

8.12.2000

Известия - 2000 - 8 дек. - с. 12

Страшная, как наша жизнь

Разговор с автором телепередачи «Независимое расследование»

«Независимое расследование», передача, которую ведет на НТВ Николай Николаев, имеет и горячих поклонников, и тех, кто ее столь же горячо не одобряет. Ее выдвигали на ТЭФИ, но премии она не получила — во мнениях о «Независимом расследовании» не сошлись и телеакадемики. Во всяком случае, о ней хочется спорить: насколько реальны стоящие за ее сюжетами дела? Каково качество телевизионных расследований, свидетелями которых мы становимся? Корректны ли они по отношению к следствию, ведущему эти дела не в виртуальной, а в земной реальности? Эти вопросы мы задали ведущему передачи. «Известия» спрашивают — Николай НИКОЛАЕВ отвечает.

— Не являются ли ваши альтернативные расследования дилетантством по сравнению с работой правоохранительных органов, не легковесное ли это дело? Вы же не можете выехать на место, провести криминалистическую экспертизу, допросы... На мой взгляд, это сугубо виртуальная реальность — не столько расследование, сколько телешоу.

— Жанр передачи определен как «ток-шоу», так что от этого слова нам деваться некуда. Но я не считаю наши расследования дилетантскими: в студии программы всегда присутствуют специалисты, и то, о чем в ней

идет речь, они оценивают менее пристрастно, чем правоохранители. Те часто попадают под власть стереотипа, а у нас такие вещи не проходят. Мы, в отличие от Генпрокуратуры, не келейная структура: в студии сидят люди, которые могут открыто сказать: «Я с вами не согласен». И «на места» мы выезжаем — у нас работают четыре группы поднаторевших в расследованиях корреспондентов, свое дело они делают очень достойно. Да, мы делаем шоу, но оно не дает покоя очень многим правоохранительным структурам.

Мы сделали хронометраж времени, которое понадобилось

Николай Николаев

Дмитрию Холодову для того, чтобы доехать от Казанского вокзала до редакции «Московского комсомольца». На наш эксперимент сослался один из подсудимых — и это вызвало много нареканий у представителей обвинения: нас обвинили в том, что мы навязываем суду свое мнение.

Люди рассказывают нам такие истории, о которых и вспоминать-то страшно. Семья погибшего в армии солдата хранит останки своего сына двенадцать лет. Они его не хоронят, они надеются, что будет установлено — это не самоубийство, его убили выстрелом в спину.

Другая история: человек пошел на работу, взяв с собой паспорт и права на машину. На улице его сбил автомобиль, и через полтора месяца беднягу чуть было не похоронили как бомжа. В больнице этот человек пробыл неделю, и его мать не может себе простить того, что случилось. Она думает, что если бы ей удалось быть рядом с ним, он был бы жив... Никто не наказан, все продолжают работать — и зафиксировавшие аварию работники ГАИ, и врачи той больницы, куда попал наш герой. Все как и прежде, виноватых нет.

— У вашей передачи есть западный аналог?

— Его нет потому, что на Западе не может быть альтернативных расследований. За западными правоохранителями не нуж-

но ничего подчищать, они добросовестно работают и, как правило, остаются в рамках закона.

— Насколько актуальны для нашей страны непрофессиональное следствие и несправедный приговор?

— Не дай бог попасть в шкуру обвиняемого, тем более обвиняемого необоснованно. Тогда почти невозможно противостоять следствию. Нормальный русский следователь начинает допрос традиционно: «Я надеюсь, вы догадываетесь, зачем мы вас сюда пригласили...» И весь дальнейший алгоритм уже задан. Это страшный механизм, и любые журналистские расследования, на мой взгляд, вполне корректны.

— Сидящая в вашей студии аудитория сменяется?

— Есть десять-пятнадцать фанатов, которые приходят к нам постоянно, а все остальные — знакомые мне люди. И процентов тридцать из них специалисты, владеющие фактурой и экспертными знаниями.

— Влияет ли ваша передача на реальную жизнь?

— Недавно мы рассказали о двух новорожденных близнецах, исчезнувших из роддома города Дмитровска Орловской области. Егор Строев на следующий же день призвал Генпрокуратуру возбуждать уголовное дело и попытаться их найти. Но ведь есть и другой момент: для людей важно, чтобы кто-то привлек внимание к их боли. Часто их никто и не выслушивал-то до конца, а из нашей студии они выходят просветленными. Но разворошить государственную машину мы не можем.

— А она, наверное, особо и не шевелится.

— Следователи часто просят прислать им копии передач. Бывают вещи парадоксальные — эти люди могут внезапно появиться в нашей комнате и попросить кассету, могут прислать по факсу хитроумный запрос, вызвать на допрос, попросить раскрыть источник информации... Всякое бывает.

— Передача будет развиваться?

— Да, к январю мы готовим кое-какие перемены, надеюсь, что телезрители их заметят.

Алексей ФИЛИППОВ

346

Николаев Николай